

Восход

Издание Сибирского Рериховского Общества, № 10 (174), Октябрь, 2008

Ю.Н.РЕРИХ

НИКОЛАЙ РЕРИХ*

На открывшейся в Москве выставке произведений Н.К.Рериха представлены все этапы его творческой жизни.

От раннего, но постоянно живущего в нём углублённого интереса к древнерусскому искусству (последняя статья на эту тему, озаглавленная «Русская слава», помечена 1939 годом) Николай Константинович рано подошёл к Востоку. Его особенно привлекали проблемы культурных связей, существовавших между Древней Русью и странами Востока, как Ближнего, так и Дальнего. Его привлекает кочевой мир наших южных степей, обогативший нашу историю не только воинской славой, но явившийся проводником культурных влияний, шедших из далёкой Индии и Китая.

В 1904 году он пишет поэму «Чингисхан», посвящённую прошлому Монголии. В 1911 и 1912 годах он обсуждает вместе с Василием Васильевичем Голубевым планы научных и археологических исследований в Индии. Ряд полотен 1915 и 1916 годов посвящён индийским сюжетам. Богатый, чрезвычайно красочный культурный мир Древней Индии захватывает его. Николай Константинович участвует в построении буддийской вихары в Петербурге, построение которой создало нам многочисленных друзей в странах буддийского Востока. Индия, Тибет входят в его творческую жизнь.

И вот в 1923 году Николай Константинович направляется в длительную экспедицию в Индию и Центральную Азию. В течение пяти лет он совершает небывалое по пройденному пространству путешествие по Средней Азии: Кашмир, Ладакх, Каракорум, Хинган, пески Такла-Макан, Джунгария, Монголия, Западный Китай, Кукунор, Тибет. Последние этапы этого путешествия через Тибетское нагорье сопровождались большими трудностями и лишениями. Несколько участников экспедиции погибли, погибли почти все караванные животные.

Из этого длительного путешествия Николай Константинович возвращается с многочисленными работами: до пятисот полотен видов Тибета, Монголии, Гималаев ныне украшают стены музеев. К этому периоду относится серия полотен «Твердыни Тибета», запечатлевших замечательные архитектурные ансамбли тибетских монастырей и городов. Во всём своём величии встают перед нами горные хребты Гималаев. С этого времени Гималаи — Обитель снегов — всё более и более приковывают к себе взор Николая Константиновича. Последние десятилетия его жизни уже неразрывно связаны с Гималаями, что осо-

бенно роднит его с народами Индии, видевшими в нём своего друга, который сумел так близко подойти к их чаяниям и устремлениям.

Этот период его творчества отличается особой красочностью. Николай Константинович верил в живую силу красок, и, быть может, никто так не знал соотношение и гармонию тонов. Художественные критики отмечали его особенное умение передавать свет. Его синтез и упрощение форм были результатом его понимания сущности передаваемого.

Работы индийского периода его творческой жизни хорошо представлены в музеях Индии и в музее его имени в Нью-Йорке. В настоящее время советский зритель может видеть картины этого периода у себя на родине, в Советском Союзе.

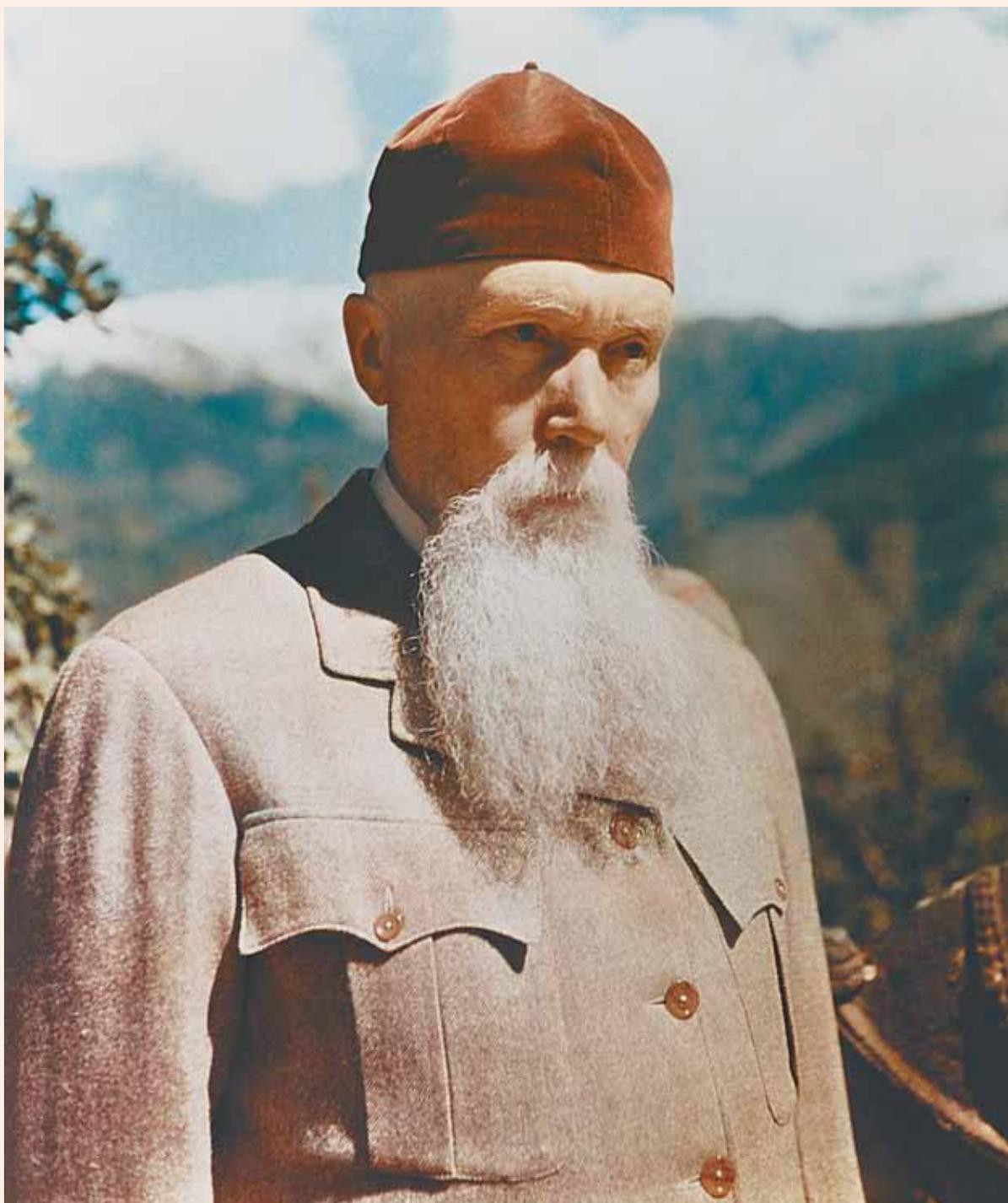
За своё пребывание в Индии и на Востоке Николай Константинович проделал громадную работу, трудясь не только в области живописи, но и как учёный. В 1929 году им был основан Институт гималайских исследований, в программу которого входило всестороннее изучение гималайской горной области. Институт организовывал научные экспедиции в Западный Тибет и собрал богатые коллекции. Специальные работы проводились по изучению народной медицины Индии и Тибета. В настоящее время в доме, где жил и творил Николай Константинович, будет открыт дом-музей — памятник индо-русскому сотрудничеству на культурной ниве.

Являясь поборником мира, мирного труда, Николай Константинович явился основоположником особого Пакта охраны культурных ценностей во время войны. В связи с пропагандой идеи такого Пакта было проведено несколько международных конференций, и в 1935 году Пакт был подписан в Вашингтоне покойным президентом Рузвельтом. В 1954 году Пакт, в несколько более развёрнутом виде, был подписан странами — участниками Организации Объединённых Наций и в 1956 году ратифицирован в Париже Советским Союзом.

Мысль о родине, о далёком Севере, не покидала его до самого конца его жизни. Он необычайно тяжело переживал разрушение Новгорода и других памятников нашей культурной славы. В годы небывалого ратного напряжения он вновь возвращается к русским темам: «Спас Нередица», «Поход Игоря», «Настасья Микулична», «Борис и Глеб». Многие из этих полотен представлены в настоящее время на выставке.

Смерть унесла его в декабре 1947 года среди приготовлений к возвращению на Родину.

* Выступление на радио в 1958 году.

НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ РЕРИХ

Понятие **Культура**, по значению самого корня своего, устремляет к самоотверженному изучению, познанию и наслоению всех исканий, возвышающих сознание. Самое огрубелое сердце затруднится отринуть благородную красоту культуры, созданную безбоязненными подвигами духа. Можно расхотеться в путях цивилизации, можно спорить о признаках прогресса, но невозможно не учуять понятие Культуры, сокровищницы всего возвышающего, путевого столба истинной эволюции...

Среди всех, часто необоримых, сложностей современной жизни понятие Культуры высится как несокрушимая Башня, как тот великий Мост, по которому мы достигнем берег прекрасный.

Н.К.Рерих

С.Н.Рерих. Портрет Е.И.Рерих

5 октября — день ухода с земного плана Елены Ивановны Рерих — Матери Агни Йоги. Памятование начинается с осознания значения того, о ком памятуем. Если бы она не пришла в самый тёмный период — конец Кали Юги, — когда стоял вопрос для человечества — быть ему или не быть, — мы не осознали бы, чем мы живы. Елена Ивановна принесла нам синтез всех религий, каждая из которых в своё время и в своей форме учила о бессмертии духа и о вечности жизни. И всё это через какое-то время забывалось. И люди продолжали жить, позабыв напроочь о Законах Бытия. Если раньше эти Законы давались в форме религий и через религии, то Учение Живой Этики даётся в форме, доступной пониманию всех категорий населения Земли, если они обладают хотя бы зачатками образования и способностью к мышлению. Возраст при этом не имеет значения. Поразительно наблюдать, как в данное время малые дети просто и прямо понимают значение причинно-следственной связи, или так называемой судьбы. «Что посеешь — то и пожнёшь», — казалось бы, что может быть проще! Но принято ли это в применении в жизни каждого дня — к поступку, побуждению или мысли? Религиозные проповеди уже почти не воспринимаются, даже если они объективно верны. И Учение Живой Этики есть именно та форма, посредством которой можно достучаться до сознания людей. И в этом великая заслуга книг, данных Матерью Агни Йоги.

Н.Д.Спирина. Из слова «Четыре знаменательные даты октября». 28.09.1998

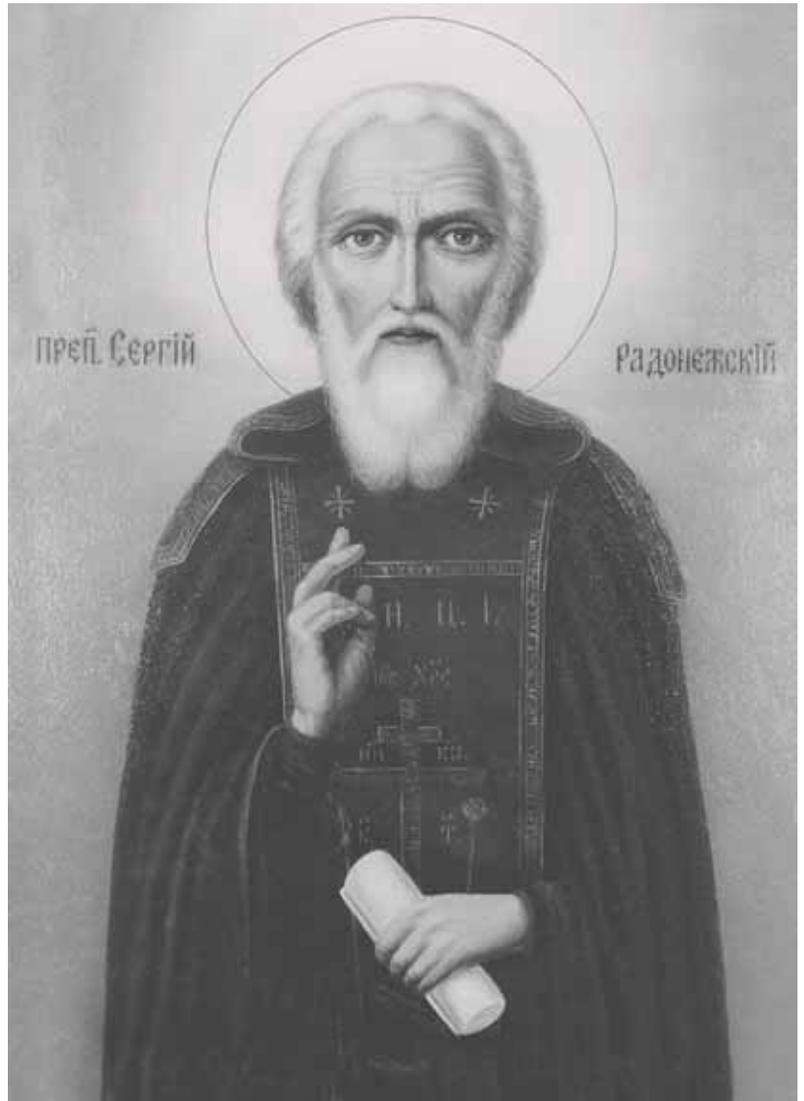
Если кто-то после ухода Великого Сотрудника не чувствует себя, хотя бы до какой-то степени, продолжателем его дела, то он ещё не сотрудник. Дело Владык не может остановиться из-за ухода с земного плана Великого Духа. Те, кто остаётся, принимают ношу его. Он продолжает работу, но уже в других сферах и планах бытия; а то, чему положено быть на земле, должно быть совершено руками оставшихся на ней сотрудников. И здесь происходит отбор, кто-то опустит руки, кто-то поднимет ношу, вернее, ту часть её, которую он в силах поднять. Силы относительны. В дерзании они растут, в унынии уходят. По мере благого дерзания и силы будут посланы. И Она дерзала в своей великой мере. Недерзающий — не достигнет. Авангард эволюции — место не для робких людей. Следовать — значит разделять. Разделять всё. Ношу и крест. Радость и скорбь. Путь и судьбу. Идущие придут, и несущие принесут. Никогда не одни те, кто разделяет ношу. Она объединяет с теми остальными, кто её несёт. Продолжение дела и подражание — лучшее приношение Той, Которая всегда приносила. Цветы духа украсят Её огненный сад. Не скорбь — но решимость. Не слёзы — но огонь готовности духа.

Из Записей Б.Н.Абрамова, 28 октября 1955 г.

8 октября — день ухода Преподобного Сергия Радонежского. В памятке церковного календаря за этот год о Нём говорится: «Игумен земли Русской. Так называют Преподобного Сергия Радонежского за тот вклад, который внёс он своими трудами в духовную жизнь Руси. Как птицы разлетались по всей земле Русской его ученики, сколько славных обителей они устроили, сколько людей своими подвигами привели ко Христу. В трудное время загорелся этот великий светильник; Русь приходилось строить заново, — Киевской Руси уже не было. Порвалась связь с Византией и Европой; сердце Руси — Киево-Печерская Лавра была разрушена, татарские орды продвигались на север, на север уходила Русь. И здесь, в Радонежских лесах, начинает, благодаря Преподобному Сергию, биться духовное сердце Новой Руси — Троицкая обитель, названная впоследствии Троице-Сергиевой Лаврой в честь своего основателя».

И в настоящее время огромное количество паломников посещает это святое место и черпает воду Жизни как из источника, находящегося в Лавре, так и из Его духовного наследия, распространяющегося по всей Руси.

Н.Д. Спирина. Из слова «Четыре знаменательные даты октября». 28.09.1998

Преподобный Сергий Радонежский. Икона

Живая связь земли с небом. Звено, включающее землю в цепь дальних миров. Духовный венец планеты. Оправдание существования людей. Воплощение идеала человечества. Если вместить Невместимое нельзя, то восхищаться можно. Именно Невместимое вызывает наибольший восторг и устремление. Вместимое человек может перерасти, Невместимое двигает рост его в Беспредельность. Если Невместимое встречается человеком антагонистично, значит, дух его ещё не созрел для восхождения. Только дух может возрадоваться прикосновению к Необъятному, так как в самом себе несёт зерно этого Необъятного. А все тела — оболочки — конечны и ограничены, и что им Беспредельность! Равноподобие сущности может сблизать, когда оно вмещено. Если бы не было общего элемента в человеке и Высшем Существо — то нечем было бы соприкасаться. Развитие этого высшего общего элемента и приводит в итоге к слиянию, когда частица элемента очищена от окружающей её шелухи и ничто не препятствует ей воссоединиться со своим Целым.

Из Записей Б.Н.Абрамова, 7 октября 1955 г.

Нина ВАСИЛЬКОВА

РЕРИХ В РОССИИ

Штрихи к биографии

На рубеже XIX и XX веков в российской науке и культуре произошёл невиданный взлёт. Русская наука в целом ряде областей выдвинулась на передовые рубежи научно-технического прогресса. Русская философия начала XX века оказала огромное влияние на развитие мировой философской мысли. Блестательные мыслители того периода, среди которых были В.С.Соловьёв, Е.Н.Трубецкой, П.А.Флоренский, С.Н.Булгаков и Н.А.Бердяев, «возвратили человека и его духовный мир в разряд космических категорий, а нравственные заповеди и совесть положили в основу мироздания».

В столкновении противоположных течений и направлений в искусстве возникло уникальное явление, вошедшее в историю мировой культуры как Серебряный век русского искусства.

«...Только один XIX век выбросил целый поток великих мировых литературных имён — от Пушкина, Гоголя до Достоевского... которые не только равняются, а превзошли по интуитивному размаху, по глубине своего творчества Запад», — писал Всеволод Иванов, русский историк и писатель.

Русское изобразительное искусство тоже переживало период небывалого расцвета. Здесь сосуществовали два противоположных направления: с одной стороны, реалистическое, продолжавшее традиции академической живописи XIX века, а с другой — символическое, обращённое к духовным исканиям и новаторским формам. В этой борьбе рождались новые русские школы, от «Художественной артели», позднее «Товарищества передвижных выставок», до «Мира искусства», объединённые одним желанием — познавать и осваивать «великий мир, который именуется Россией».

В потоке новых течений оказались художники В.А.Серов (1865 – 1911) и В.И.Суриков (1848 – 1916), М.В.Нестеров (1862 – 1942) и М.А.Врубель (1856 – 1910), К.А.Сомов (1869 – 1939) и многие другие. В конце XIX века в эти ряды русского новаторского искусства становится и Николай Константинович Рерих (1874 – 1947) — один из самых ярких и выдающихся представителей той эпохи. По глубине и синтезу наследие Рериха — явление исключительное в истории не только русской, но и мировой культуры XX века.

«Когда я думаю о Николае Рерихе, — говорил в одном из своих выступлений его сын, Святослав Николаевич, — я поражаюсь размаху и богатству его деятельности и творческого гения. Великий художник, великий учёный и писатель, археолог и исследователь, он касался и освещал так много аспектов человеческих устремлений». «Таких людей, как Николай Константинович, я уже никогда больше не встречал. Редко, очень редко они посещают нашу Землю».

Листы дневника и опубликованные в последние годы материалы русской периодики рубежа XIX и XX веков дают возможность значительно расширить наши представления и о самом Рерихе, и о круге современников, с которыми он общался. Огромную роль в формировании и становлении его творческой личности сыграли многие известные, в чём-то даже легендарные люди того времени.

В доме Константина Фёдоровича Рериха, известного петербургского нотариуса, часто собирались учёные, писатели, художники. Как вспоминал Николай Константинович, «эти старики были ниточками со многим замечательным». Востоковеды К.Ф.Голстунский (1831 – 1899) и Д.М.Позднеев (1865 – 1942) заложили в нём интерес к Востоку. «...Через дядю Коркунова [врача, профессора Томского университета (1856 – 1906)] шли вести из медицинского мира. Звал меня в Сибирь, на Алтай. Слышались зовы к далям и вершинам — Белуха, Хан-Тенгри!» Семейные знакомства способствовали возникновению дружбы Николая Константиновича с молодым поэтом Леонидом Семёновым-Тян-Шанским (1886 – 1959) и будущим профессором-мозаичистом В.А.Фроловым (1874 – 1942).

Друг семьи художник М.О.Микешин (1835 – 1896), по проектам которого создан ряд памятников («Тысячелетие России» в Новгороде, Екатерине II в Петербурге и др.), первый обратил внимание на склонность Николая Рериха к рисованию, и начались его занятия живописью под руководством этого талантливого учителя, с которым Рерих не терял связей и потом, уже обучаясь в Академии художеств.

В гимназии Карла Мая закладывался и укреплялся интерес к географии, истории, литературе. Сам Карл Иванович Май (1824 – 1895), один из опытейших педагогов своего времени, преподавал гео-

графию; его увлекательные уроки навсегда запомнились Николаю Рериху, пробудили интерес к путешествиям. По воспоминаниям Николая Константиновича, любимым урокам истории были близки и уроки географии, и первые археологические раскопки. «Как будто от разных областей звучат курганные находки или географические карты...» Но проходят десятилетия, и «вспоминаются эти будто бы различные предметы в одном общем укладе. (...) Недаром опытный географ предлагал не только заучивать названия, но именно запечатлеть иероглифы земли и линиями, и красками, и рельефами. (...) Художество вносилось в эти прикасания к земле. А там, где знание будет сочетаться с искусством, там остаётся особенная убедительность».

Огромное влияние на судьбу будущего учёного имела его встреча со Львом Константиновичем Ивановским (1845 – 1892). С этим известным археологом Рерих познакомился ещё в детстве, именно тогда он впервые прикоснулся к тайнам археологии. «Около Извары почти при каждом селении были обширные курганные поля от X века до XIV, — вспоминал он. — От малых лет потянуло к этим необычным, странным буграм, в которых постоянно находились занятные металлические древние вещи. В это же время Ивановский производил исследования местных курганов, и это тем более подкрепило желание узнать эти старые места поближе. (...) Первые находки были отданы в гимназию... каждое лето открывалось нечто весьма увлекательное».

Уже с 16 лет, мечтая о поступлении в Академию художеств, Н.К.Рерих также горел желанием получить знания и в интересующих его областях — истории, археологии и философии. Одновременно с поступлением в Академию художеств он по настоянию отца подаёт документы вместо исторического на юридический факультет. Но, как вспоминал Николай Константинович, именно исторический, а не юридический факультет считал его своим. Здесь он «слушал Платонова, Веселовского, Кареева, иногда Брауна. (...) С историками сложились особые отношения».

Сергей Фёдорович Платонов (1860 – 1933) был крупным историком, учёным и педагогом. Его лекции по русской истории пробуждали живой интерес к прошлому Руси. «В бытность в университете Спицын и Платонов провели в члены Русского Археологического Общества, где я потом был пожизненным членом, — читаем в "Листах дневника" Рериха. — Этим путём произошло сближение со всею археологической семьёю».

Александр Андреевич Спицын (1858 – 1931) — патриарх отечественной археологии — один из глав-

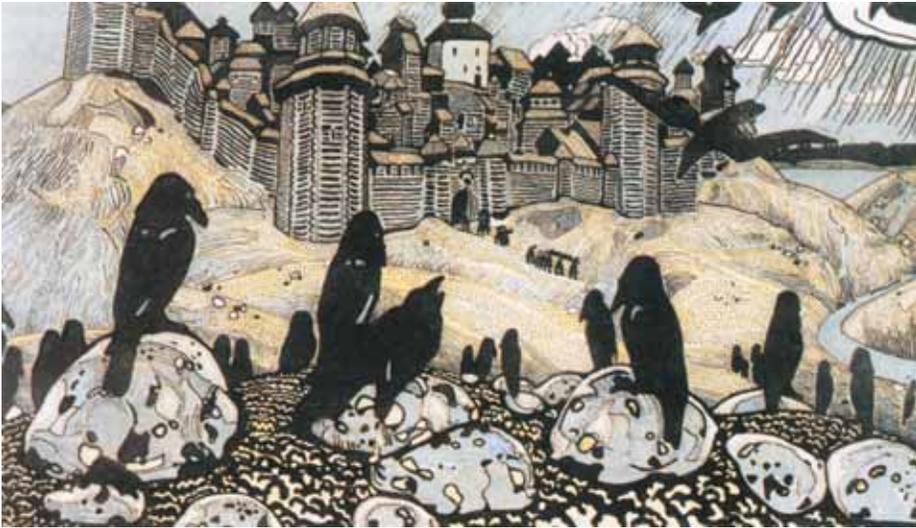

Н.К.Рерих. 1900 г.

ных наставников Рериха на этом поприще. Между учёным и начинающим исследователем установилось тесное сотрудничество. В своих научных трудах, вошедших в золотой фонд отечественной археологии, Спицын использовал рисунки Рериха.

На заседаниях Восточного отдела Николай Константинович близко познакомился с Борисом Александровичем Тураевым (1868 – 1920). «Вспоминаю давнишние заседания Русского Археологического Общества, на которых выступал Тураев, этот замечательный исследователь Египта и Древнего Востока. Сама внешность его, вся скромная искренность и сердечность, свойственная большой душе, сразу привлекали к нему». Позже в числе учеников Тураева был и старший сын Рериха — Юрий, который, занимаясь с гимназических лет с известным учёным, готовился к участию в будущей экспедиции отца по Центральной Азии.

Каждое лето Николай Рерих проводит археологические раскопки, о чём сообщается в периодической печати. «Много очарования было в непосредственном прикосновении к предметам большой древности, — вспоминал он. — Много непередаваемой словами прелести заключалось в бронзовых позеленелых браслетах, фибулах, перстнях, в заржавелых мечах и

Н.К.Рерих. ВОРОНЫ. 1901

боевых топорах, полных трепета веков давних». Раскопки помогали непосредственно прикоснуться к давно минувшей эпохе, будили воображение.

В мир археологии Рерих вошёл не только как пылкий учёный, но и как воодушевлённый поэт. Обладая большой творческой фантазией, он создаёт литературные очерки — волнующие картины прошлого. В них виден необыкновенный дар литератора, владеющего совершенно особым слогом, исходившим «из стилиа исконной русской литературы», как отмечала Наталия Дмитриевна Спирина.

Под впечатлением раскопок у реки Изварки, где были обнаружены остатки сожжённого оборонительного городка, Рерих создаёт картину «Вороны» (1901). В одном из его литературных очерков встречаем следующую зарисовку: «Из-под облака всё видит ворон; смотрит поверх высокого тына городка, что торчит на соседнем бугре. Светлой лентой извиаается светлая речка, один берег ровный, покрытый сочной травой и чащей, другой берег высокий, к реке спуски крутые, обвалы — песчаные и глинистые оползни! (...) В редком месте природа создаёт такую искусную защиту! На этом холме и поставили город. Отсчитали от мыса шагов сотни две, перерыли холм канавой... на валу тын поставили из славных рудовых брёвен... (...) Состроили вышку — смотрельню — наблюдать за вражьиими силами или чтобы поднять на ней высокий шест с привязанным пучком зажжённой соломы, окрест повестить об опасности. (...) Видел ворон и другое! Видел, как пылал тын города, шла сеча! (...) Напрасно варом кипящим обливали напавшую рать; город пал».

Трудно сказать, что доминировало в раннем творчестве Рериха — влечение к искусству или наукам. Изыскания Рериха-учёного давали богатый материал для Рериха-живописца.

Его наставниками в живописи стали выдающиеся художники. Первым, кто обратил внимание на Рериха в Академии художеств и поддержал его самостоятельные поиски, был И.Е.Репин (1844 – 1930), знаменитый русский живописец. «Много встреч было с Ильёй Ефимовичем, — вспоминал Николай Константинович. — Первая была в его мастерской у Калинкина моста. Повёз показать ему эскизы и этюды. Ласковый мастер сказал многое доброе. (...) Хотел Илья Ефимович, чтобы я был в его мастерской...»

До 1895 года Рерих занимался в общем натурном классе под руководством профессора Павла Петровича Чистякова (1832 – 1919), о котором вспоминал с уважением: «В нём было много от природного учителя. Своеобразие суждений и выражений привлекало и запоминалось».

По правилам Академии художеств каждый студент после окончания натурального класса должен был продолжить обучение в мастерской того или иного художника-преподавателя. Неожиданно обстоятельства сложились так, что Рерих оказался в мастерской Архипа Ивановича Куинджи (1842 – 1910), автора на шумевшей картины «Лунная ночь на Днепре». Мастер, о котором ходили легенды, пользовался большой популярностью среди студентов. «Один из самых важных шагов совершился проще простого. Стал Архип Иванович учителем не только живописи, но и всей жизни». «Куинджи оказал большое влияние не только на развитие таланта Рериха, но и на формирование его характера. Рериха поражало в учителе всё... несгибаемая твёрдость в борьбе с невзгодами, щедрая, бескорыстная помощь людям, трепетная влюблённость в природу, неустанный творческий труд. Каждое житейски мудрое суждение Куинджи, его совет, поступок западали в душу юноши, оставляя неизгладимый след». Архип Иванович сумел разбудить в своём ученике все лучшие стороны его дарования.

Под влиянием археологии Николай Константинович увлёкся и изучением этнографии — древнерусского быта, народных былин и сказаний. Особое впечатление на него произвели труды Александра Николаевича Афанасьева (1826 – 1871), известного собирателя русского фольклора — духовных стихов, сказов, былин. Одна из ранних картин Рериха «Иван-царевич наезжает на убогую избушку» (1894 – 1895) написана на сюжет русской сказки. Народные представления об Иване-царевиче есть «не что иное, — пишет Рерих, — как весенний луч, проникающий в цар-

ство смерти и зимы, чтобы освободить красавицу Лето. Чудная это вещь — эпическая поэзия. Совсем она меня в полон забрала».

Возможно, что и картина «Змиевна» (1906) была написана под впечатлением от трудов Афанасьева, в которых приводится космогонический миф: «Солнце, закрываемое тёмными тучами, в народных сказках представляется златокудрою девою неописанной красоты, похищаемую змием, который уносит её в свои неприступные горы... освободителем красной девицы является богатырь, владетель чудодейственного меча-саморуба, то есть сам Перун, божество грозы и молнии».

Развивая это направление, Рерих впоследствии создал ряд картин на темы русского эпоса и фольклора. Среди них — «Гнездо Преплагое», «Голубиная книга», панно для «Богатырского фриза».

Сокурсник Рериха Леон Антокольский*, на глазах которого происходило становление Николая Константиновича как художника, писал ему: «Успехи, какие ты делаешь в искусстве, меня несказанно радуют... (...) Недаром я... назвал тебя симфонистом, а самый жанр, который тебе наиболее подходит, — народный эпос — уже давно признан тебе бесспорно свойственным. (...) Остаётся тебе только неуклонно следовать по избранному тобою пути и совершенствоваться в этой сфере до тех пор, пока русский народный эпос в твоём лице не найдёт своего лучшего выразителя. Итак, вперёд, вперёд без оглядки!...»

Л.М.Антокольский, человек очень скромный, дороживший вниманием, которое оказывал ему Рерих, всю жизнь хранил его письма. «Не похож ты на нас, академистов, — говорил он Николаю Рериху, — когда другие в свободное время сидят себе по домам, распивают чай да болтают, ты всё что-то работаешь и обдумываешь».

В 1895 году происходит знакомство Николая Константиновича с Владимиром Васильевичем Стасовым (1824–1906) — художественным и музыкальным критиком, историком искусства, почётным академиком, хранителем отдела рукописей и редкой книги при Императорской Публичной библиотеке. Рерих сразу

Н.К.Рерих. ЗМИЕВНА. 1906

же заинтересовал Стасова своей тягой к русской истории. Между ними завязалась большая творческая дружба. Среди многих своих учителей Николай Константинович очень высоко ставил Стасова и часто вспоминал о том, кто впервые ввёл его в хранилища Публичной библиотеки: «Он допустил меня к сокровищам этого хранилища и поддержал в моих первых работах о России». Крупнейший специалист в области орнамента, Стасов открыл Рериху этот неизвестный ему мир — мир древней славянской орнаментики, раскрыл её смысл и историю возникновения, познакомил с искусством книжной миниатюры и в целом способствовал развитию в начинающем художнике любви к национальной культуре.

Постепенно у Николая Константиновича складывается замысел создания серии картин «Начало Руси. Славяне», в которой предполагалось воспроизвести ключевые моменты истории Древней Руси. Эта идея была поддержана Куинджи и Стасовым. В русской исторической живописи такой замысел был осуществлён впервые.

Со своей первой картиной из этой серии — «Голец» (1897), она же была и дипломной работой, — Рерих, по предложению Стасова, едет ко Льву Толстому: «Вот пусть сам великий писатель земли русской произведёт вас в художники. Вот это будет признание». Теперь уже широко известны слова Льва Николаевича, сказанные начинающему художнику как важнейшее напутствие, как нравственный завет, — о том, что «в области нравственных требований надо рулить всегда выше — жизнь всё равно снесёт». Рерих писал: «Я часто вспоминал этот совет Толстого. Затем Толстой заговорил о народном искусстве, о некоторых картинах из крестьянского быта, как бы желая устремить моё внимание в сто-

* Известный художник, писал станковые картины и занимался монументально-декоративной живописью: расписывал общественные здания Москвы (кинотеатры, павильоны ВДНХ и др.).

рону народа. "Умейте поболеть с ним" — такие были напутствия Толстого».

После окончания Академии художеств в 1898 году Рерих назначается на пост помощника директора музея Императорского Общества поощрения художеств. Параллельно идёт работа в журнале «Искусство и художественная промышленность», где он печатается не только под своим именем, но и под псевдонимом «Р. Изгой»*. И уже с сентября того же года Рерих начинает читать в Археологическом институте лекции по художественной технике в применении к археологии. Подобного предмета ни в отечественных, ни в иностранных учреждениях ещё не имелось. Состав слушателей был самый разнообразный: военные, чиновники, студенты.

В своей вступительной лекции «Искусство и археология» Н.К.Рерих рассматривает взаимоотношения науки и искусства и в этом контексте — взаимовлияние археологии и искусства. Он приводит высказывание английского мыслителя Джона Рёскина (1819 – 1900), мировоззрение которого ему было очень близко, — о том, что наука открывает явления и факты и знакомит нас с ними, показывая их внешнюю истину, а искусство «проникает в сущность и раскрывает нам их духовное значение. ...Насколько мир духовный обширнее мира материального, настолько и область искусства обширнее области науки. (...) Истинное искусство проникает через внешнюю оболочку и схватывает сущность. Таково значение всякого произведения, заслуживающего название художественного».

Ежегодно Археологический институт по окончании экзаменов устраивал экскурсии для обзора местных курганов. Предварительные работы и изыскания выполнял преподаватель Рерих. Насколько непростым делом было устройство таких экскурсий, свидетельствует статья Анатолия Викторовича Половцева (1841–1905), заведующего архивом Министерства Императорского двора, историка, писателя, поддерживавшего Рериха во всех его начинаниях. Он писал: «По опыту знаю, что отыскивать места для раскопок дело мудрёное, требующее огромной затраты времени и труда. Поэтому я обрадовался появлению Н.К.Рериха не менее, чем Ной возвращению голубя с зелёной веткой. ...Он сделал много десятков вёрст по окрестностям Петербурга, отыскивая курганы, которые можно бы и стоило бы раскопать».

В 1899 году Рерих по поручению Императорской Археологической комиссии обследовал современное

состояние объектов археологии, расположенных на Великом торговом пути «из варяг в греки». Результатом этой поездки явились не только научный отчёт, но и поэтическая статья с описанием исторической картины из жизни древних племён, а также полотно «Заморские гости».

Пять лет спустя художественный критик Н.З.Панов напишет: «Талантливый художник и искусный мастер, Н.К.Рерих нашёл для своего творчества богатое подспорье в русской археологии, которой он редкий знаток. Развитие его дарования шло у него рука об руку с научным образованием, что, надо сознаться, составляет редкое явление среди художников вообще».

По инициативе Николая Константиновича и под его руководством начинается составление археологической карты Петербургской губернии, на которую предполагалось нанести места уже произведённых и запланированных раскопок.

В Петербурге начинается чтение курса публичных лекций по истории искусств. Наряду с такими прославленными знатоками искусства, как Стасов, Кондаков, приват-доцент Лебедев, Ольденбург, Смирнов, Липовский, в числе лекторов был и Рерих. Но уже осенью 1900 года он уезжает в Париж, чтобы продолжить учёбу в мастерской Фернана Кормона (1845 – 1924), автора известных исторических картин, который был знаменит и как замечательный наставник. «...Я вынес такое впечатление, — рассказывает Рерих журналисту о своей первой встрече с художником, — что Кормон отводит России особо важное место и ждёт многое от наших русских молодых художников... "У вас в России так много прекрасного и характерного, и ваш долг, русских художников, почувствовать и сохранить это" — вот подлинные слова Кормона».

Тогда же в Париже происходит знакомство и с творчеством Пьера Пюви де Шаванна (1824 – 1898) — одного из родоначальников символизма в живописи, создавшего в своих настенных росписях гармоничный и возвышенный мир. Среди них — «Житие св. Женевьевы» (1876 – 1878) — фрески парижского Пантеона в ратуше Пуатье (Сорбонна). «Чем более я всматриваюсь в его работы, — пишет Николай Константинович своей невесте, Елене Ивановне, — чем больше слышу о его рабочих приёмах, его жизни, привычках, тем больше изумляюсь большому сходству многого, что есть у меня». И хотя Рерих уже не застал в живых этого художника, но, перечисляя своих учителей, называл три имени: Куинджи, Пюви де Шаванн и Кормон.

В мае 1901 года Н.К.Рерих возвратился домой и сра-

* Изгоями в Древней Руси называли людей, стоящих вне общественных группировок.

Н.К.Рерих. КНЯЖЬЯ ОХОТА. ВЕЧЕР. 1901

зу же был приглашён в Императорское Общество поощрения художеств на должность секретаря. И с новой энергией он углубляется в изучение старины, создавая многочисленные полотна на тему Древней Руси. Картины выставляются в Петербурге и Москве.

Император Николай II, посетив Весеннюю выставку 1902 года в Академии художеств, приобрёл картину «Заморские гости».

«Несомненным украшением выставки являются многочисленные произведения Н.К.Рериха, — говорится в одном из отзывов художественного критика тех лет, писавшего под псевдонимом Меценат. — ...Целый ряд выставленных г. Рерихом картин переносит зрителя в эпоху Древней Руси, которую он, как истый поэт и тонкий знаток стиля, толкует замечательно красиво и верно».

Два панно на тему «Княжья охота» (1901) — «Утро» и «Вечер», — выполненные для столовой дворца княгини Ольги Александровны в имении Рамонь Воронежской губернии, отметил в своей статье искусствовед И.Лазаревский: «Было бы крайне желательно, чтобы Н.К.Рерих пошёл бы дальше во фресочной живописи, на чём у нас почти никто серьёзно не останавливался, а по этим двум мотивам "Охоты" можно смело ожидать от художника немаловажных результатов».

Большой успех сопутствовал Николаю Константиновичу и в Москве. Здесь особым вниманием пользовалась картина «Город строят». На заседании Совета галереи по предложению известного русского художника Валентина Александровича Серова было решено сразу же после выставки купить эту картину для Третьяковской галереи, где уже находился «Гонец», ранее приобретённый самим П.М.Третьяковым.

При всей напряжённой деятельности, Николая Константиновича каждое лето можно было встретить

на просёлочных дорогах Новгородской, Псковской или Петербургской губерний. Его увлекали раскопки курганов, жальников, древних городищ. И всюду за ним следовала его жена — Елена Ивановна. «С самого первого года замужества она проводила лето на раскопках Новгородской губернии, живя с ним в землянках, просто одетая, как того требовала их совместная работа, на удивление всех родных её, которые не понимали, как она могла мириться с такими... первобытными условиями жизни».

В 1902 году на заседании Императорского археологического общества Николай Константинович делал сообщение о своём открытии — впервые в России в Новгородской губернии были обнаружены курганы каменного века, датированные приблизительно I веком до н.э.

Спустя несколько лет на международном археологическом конгрессе во Франции были выставлены коллекции предметов каменного века, принадлежащие князю П.А.Путятину и художнику-археологу Н.К.Рериху. Пресса отмечала: «Это был первый опыт демонстрации предметов... добытых в России, перед представителями всего мира. Один Рерих послал 1,5 тысячи номеров [экспонатов], которые крайне заинтересовали таких известных учёных, как Мортилье, Капитен, Ривьер и другие». Они «приветствовали образцы русского неолита восторженными отзывами, поставив его наряду с лучшими классическими поделками Египта».

Археологические находки Рериха составили богатейшую коллекцию каменного века, в ней насчитывалось свыше 100 000 предметов. Святослав Николаевич вспоминал: «Наш дом был полон и предметов искусства, и замечательных книг, и коллекций Николая Константиновича... Была замечательная коллекция каменного века. Мы все усиленно, в том числе и я, помогали собирать... В Новгородской губернии мы

собирали скребки, копья. Всё это было неразрывной частью нашей жизни».

«Каменный век! Сколько раз я заставлял Рериха за рабочим столом, бережно перебирающим эти удивительные "кремни"... — писал о нём Сергей Мавровский (1878 – 1962), русский искусствовед, поэт, редактор журнала «Аполлон». — Он восхищается ими как учёный и поэт. (...) Впоследствии любовь к ним придала совершенно особый оттенок его исканиям примитивных форм. Это обнаруживается очень ясно в его декоративных композициях, в графических работах и даже в самой манере письма. (...) И во всём стиле его рисунка, упрощённого иногда до парадоксальной смелости, как будто чувствуется нажим каменного резца».

Изучая эту далёкую эпоху, Н.К.Рерих понял значение каменного века для эволюции человечества и дал ему замечательную оценку в своих научных трудах. Именно тогда, по его мнению, зародились искусство и сама культура. Так, в статье «Обращение к камню» он пишет: «Камень многое знает. (...) Общечеловечен путь искусства. (...) Не сказки Индии, не саги Скандинавии, не чудища фантазии финской, но одинокий творец каменных сокровищ открывает нам двери искусства. (...) Человек веков камня родил начала всех блестящих культур. Он мог это. Всё пошло от него». Николай Константинович полагал, что основные категории этики были выработаны на заре цивилизации, и считал, что многие загадки эволюции человеческого общества могут найти объяснение при изучении именно этого раннего периода истории.

«Спрашиваете, отчего мы углубились именно в каменный век, изучали его и собирали. Причин несколько, — пояснял Рерих в статье «Каменный век». — Красота камня, высокое качество отделки его, малоизученность русского каменного века, наконец, таинственная международность культуры камня. Разве не удивительна тождественность культуры каменного века во всех частях света? (...) Только сопоставляя, можно было изумляться общечеловечностью творчества, давшего одинаковую и неповторимую технику каменного обихода. (...) Не было путей сообщения, молчали все надземные каналы, а человек творил единообразно. Такая международность мало отмечена в литературе».

Любовь Рериха к той далёкой эпохе отражена и в его полотнах. «Много лет тому назад у меня была картина "Задумывают Одежду", — писал художник. — В этой картине были выражены первые мысли женщины об одежде, первые орнаменты, первые руны украшения. Удивительно было сознавать, насколько

эти первичные орнаменты были сходны с украшениями наших дней».

Картине «Каменный век (Призыв солнца)» (1910) предшествовала статья художника «Радость искусства», где он писал: «Озеро. При устье реки стоит ряд домов. По утончённой изукрашенности домики не напоминают ли вам жилища Японии, Индии? (...) Стены домов расписаны орнаментом в жёлтых, красных, белых и чёрных тонах. (...) На берегу — челны и сети. (...) Праздник. Пусть будет это тот праздник, которым всегда праздновали победу весеннего солнца. Когда надолго выходили в леса; любовались цветом деревьев; когда из первых трав делали пахучие венки и украшали ими себя. Когда плясали быстрые пляски, когда хотели нравиться. Когда играли в костяные и деревянные рожки-дудки. (...) Люди радовались. Среди них начиналось искусство».

Проект фриза для майолики «Каменный век. Север» (1904) состоит из трёх узких горизонтальных частей: «Пляски», «Олени» и «Охота на моржей». В верхней части фриза художник изобразил древних людей, исполняющих ритуальный танец; на средней изображены «олени, идущие след в след друг за другом. Археологические находки подтверждают, что подобный приём характерен для изображений животных на наскальных рисунках». Нижняя часть фриза посвящена древнейшему промыслу народов Севера*.

«"Древняя жизнь" [Рериха] — один из интереснейших пейзажей... И сколько в этом пейзаже именно древней, доисторической, далёкой от нас, почти мифической жизни! Фигур почти нет, но чувствуешь человека времён кремнёвых топоров и костяных ножей». На картинах Рериха природа и человек как будто живут одной жизнью, находятся в неразрывном единстве. В «Рассказе о Боге» (1901) художник изобразил древнего старца, «жестом указывающего мальчику на окружающее, где Бог сливается с природой в одно целое».

Летом 1903 года по поручению Общества поощрения художеств Н.К.Рерих, вместе с женой Еленой Ивановной, совершает поездку по сорока древним городам России с целью создания этюдов русской старины и исследования старинных городищ.

Вот как поэтично рассказывает о путешествиях Рериха известный критик Э.Голлербах: «Он странствует вдоль и поперёк по лицу земли русской, смотрит ей в лицо, любит её. Сколько красот он видит не из альбомов... не из открыток, а сам, лично, своими взглядами, своей душой соприкасаясь со всеми эти-

* Картоны для майоликовых фризов были выполнены для дома страхового общества «Россия» и исполнены в майолике П.К.Ваулиным. Фриз погиб во время Великой Отечественной войны.

Н.К.Рерих. СЕВЕРНЫЙ ЭТЮД. 1905

ми заповедными местами, на которые ещё никто не обращал таких пытливых... взоров. И какая красота льётся в его душу от зелёной, вальяжной и свежей, тысячелетней и всё юной — русской земли!»

Результатом этой поездки были не только десятки полотен, научные труды о древних городищах и урочищах и литературные очерки, но впервые во всеуслышание, с широким обсуждением в прессе, мощно прозвучало слово Н.К.Рериха о сохранении русских святынь. Так было положено начало тому движению, которое впоследствии привело к созданию выдающегося документа XX века — Пакта Рериха — и Знамени Мира.

«Есть что-то глубоко значительное в том факте, что ранние годы Рериха были посвящены, с одной стороны, искусству, а с другой — науке... — писал Теодор Хелайн. — Это имело очень важное значение для его жизненной миссии. (...) Эту миссию он выразил словами — мир через культуру. То есть культуру, которая заключает в себе искусство, науку и религию, культуру, действующую как троица в единстве». Это чувство единства первобытный человек испытывал инстинктивно, а современный человек должен прийти к тому же через развитие внутренних духовных способностей. «Рерих был пророком этого восстановления. В силу этого он истинно был голосом эпохи».

Мы рассказали о начальном этапе творческой жизни Николая Константиновича в России. Это было время формирования многих направлений его творчества, которые в дальнейшем получили глобальный, невиданный размах.

Литература

- Афанасьев А.Н.* Народ-художник. Миф. Фольклор. М., 1986.
- Беликов П.Ф.* Рерих. Опыт духовной биографии. Новосибирск, 1994.
- Беликов П.Ф.* Святослав Рерих. Жизнь и творчество. М., 2004.
- Беликов П.Ф., Князева В.П.* Н.К.Рерих. Самара, 1996.
- Держава Рериха.* М., 1994.
- Зувев М.Н.* История России с древнейших времён до начала XXI века. М., 2002.
- Князева В.П.* Николай Рерих. СПб., 1994.
- Короткина Л.В.* Н.К.Рерих. СПб., 1996.
- Н.К.Рерих — археолог. Новосибирск, 2002.
- Николай Рерих в русской периодике. Вып. I. СПб., 2004.
- Николай Рерих в русской периодике. Вып. II. СПб., 2005.
- Николай Рерих в русской периодике. Вып. III. СПб., 2006.
- Николай Рерих — художник и провидец: Выступление С.Н.Рериха по индийскому радио к 90-летию со дня рождения Н.К.Рериха 9 октября 1964 года.
- Петербургский Рериховский сборник. Т. II–III. Самара, 1999.
- Рерих Н.К.* Листы дневника. Т. 1. М., 1999.
- Рерих Н.К.* Листы дневника. Т. 2. М., 2000.
- Рерих Н.К.* Листы дневника. Т. 3. М., 2002.
- Рерих Н.К.* Письма к Л.М.Антокольскому и Л.М.Антокольского Н.К.Рериху. СПб., 1993.
- Рерихи. Вехи духовного пути. М., 2001.
- Спирина Н.Д.* Полное собрание трудов. Т. I. Новосибирск, 2007.

Наталья КУЛАКОВА, г. Москва

СОДРУЖЕСТВО*

Письма М.К.Тенишевой к Н.К.Рериху

Если жизнь творческого человека не легка, то насколько тяжелее было пробить косное окружение женщине, к какому бы слою общества она ни принадлежала. Об этом, по-видимому, не однажды заходил разговор между М.К.Тенишевой и Н.К.Рерихом.

Именно тогда, когда выставка русского искусства, устроенная княгиней в Париже, имела огромный успех, на родине «нашёлся "проникновенный" смоленский житель и начал написать о "разграблении" смоленских ризниц»¹. Он обвинил в этом Тенишеву, которая, желая спасти распродаваемые сокровища, приобрела некоторые из них для своего музея. «Чудовищным недомыслием» назвал Н.К.Рерих судебное разбирательство по этому делу. Тенишева писала своему другу: «Поймите, ведь я тоже человек, все эти уда-ры и разочарования потрясли меня, спутали мысли.

Многое, многое пришло в голову, и многое стало ясно.

Трудно одинокой женщине пробиться.

Трудно, даже невозможно, без сильной руки завоевать себе место.

Все эти утопии феминизма — одни слова. Как бы ни была женщина идейна, но без опоры мужчины она до сих пор ничего!

Я этого прежде не допускала, но теперь вижу, что одинокую женщину можно оскорблять и изводить вволю безнаказанно, — нет ей ни спасения, ни путей!..

Грустные жизненные выводы, но верные»².

«Всё больше и больше убеждаюсь, что мы с вами остались одни»³.

Словом, она в полной мере вкусила то, что Рерих назвал «Голгофой искусства».

В книге «Впечатления моей жизни» М.К.Тенишева описывает тяжёлый момент жизни, когда, после почти трёх лет отсутствия, в 1908 году она возвращалась из-за границы и её мучил вопрос: что она увидит? В день отъезда из Москвы в деревню к ней присоединился Н.К.Рерих.

Мария Клавдиевна так описала этот момент: «Мне

кажется, как особенно чуткий и тонкий, он только из дружбы ко мне, из желания облегчить мои первые минуты в Талашкине вызвался сопровождать нас. Я только забросила слово, а он откликнулся. Слово это — храм... Только с ним, если Господь приведёт, доделаю его. Он человек, живущий духом, Господней искры избранник, через него скажется Божья правда. Храм достроится во имя Духа Святого. Дух Святой — сила Божественной духовной радости, тайною мощью связующая и всеобъемлющая бытие... Какая задача для художника! Какое поле для воображения! Сколько можно приложить к Духову храму творчества! Мы поняли друг друга, Николай Константинович влюбился в мою идею, Духа Святого уразумел. Аминь. Всю дорогу от Москвы до Талашкина мы горячо беседовали, уносясь планами и мыслью в беспредельное. Святые минуты, благодатные...»⁴

Жизнь Марии Клавдиевны засветилась новой мечтой о совместном творчестве с замечательным художником и человеком.

В её письме от 28 февраля 1909 года возобновляется разговор о Храме Духа: «Не надо уступать никому и никому, борьба необходима и с собой — такова жизнь! (...) Что касается меня, мне не хочется читать гадости, её и так много кругом. Что бы ни писали, я знаю, что думать о вас, и только отпором может быть ваше творчество и создание хорошего. (...)»

Мне было приятно прочитать в вашем последнем письме, что вы, по-видимому, не забыли о "Духе", что мысль ваша от него не оторвалась. За последнее время вы как-то о нём не упоминали, а я боялась настаивать.

Жаль будет, если "Дух" отлетит и задача эта вас перестанет волновать.

Конечно, я радуюсь за вас, что вы работаете для Царя и Почаева, но меня всегда мучает ревность, что другие исчерпают ваши силы, вдохновение, утомят ваше воображение и для "Духа" вы устанете, а тут ещё нервы и хворости!.. (...) Берегите себя для хорошего, берегите слух и глаза, рядом с дурным есть столько прекрасного, высокого, туда и обращайтесь взглядом»⁵.

А 5 мая того же года Мария Клавдиевна снова

* Окончание. Начало в № 9, 2008.

¹ Н.К.Рерих. Глаз добрый. М., 1991. С. 80.

² Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи (ОР ГТГ), ф. 44/1384. 25 окт. 1907 г.

³ ОР ГТГ, ф. 44/1386.

⁴ М.К.Тенишева. Впечатления моей жизни. Л.: Искусство, 1991. С. 250.

⁵ ОР ГТГ, ф. 44/1391.

пишет: «Я получила вашу брошюру, очень, очень хорошо! Чтение это затронуло с новой силой мою страсть к прошлому так же точно, если бы я была в моём музее, где каждая вещь будит воображение и заставляет трепетать сердце любовью к родине. Как вы ярко и глубоко умеете рисовать словами, что ни слово, то картина, всё видишь и переживаешь, — чудно!..»

Вас тянет на дачу, но куда? Помнится, в прошлом году делали планы, что приедете поблизости к нашей церкви, мечтали совокупно созидать "Духа". Потом ни слова о прошлых планах.

Если бы вы хотели, можно было бы хорошо устроить вам что-то вроде дачи.

Напишите, что думаете об этом»⁶.

Брошюра, упоминаемая Тенишевой, касается археологии, и это ещё одно общее с Рерихом увлечение княгини — древняя история и раскопки.

А вот строки из письма самого Николая Константиновича касательно этого увлечения: «Опять вернулся с городища в 7 вечера. Обидно, что в течение каких-нибудь 10 часов (в 2 дня) вещей накопано больше, нежели в Новгороде за две недели. (...) Глядя, как деревенские ребята рвались за вещами, я вспомнил наших. То-то было волнение находить самим настоящие вещи. Городище кончили. Завтра буду пробовать краски и вообще посвящу день храму. (...) Думаю, что в церкви всё удастся. Так хорошо, что не вся церковь, а только алтарная часть. Гораздо ценнее выйдет»⁷.

В письме идёт речь о Гнездовском городище — огромном могильнике, находившемся недалеко от Смоленска; Тенишева активно занималась его раскопками, привлекала и других археологов, оплачивая их работу.

Но наконец дело слажено — 16 июля 1910 года Тенишева пишет Рериху из Талашкино: «Буду ждать вас здесь с нетерпением, если можно, приезжайте скорее»⁸.

В августе Рерих был уже в Талашкино. В письме к Елене Ивановне от 19-го числа он сообщает: «Абсида моя всем ужасно понравилась», — и тут же пишет о том, как хорошо будет в Талашкино ребятам: «Здесь ослы, пони, собаки (овчарки, таксы, бульдоги, грифоны), грибов масса, особенно рыжиков»⁹.

В 1910 году Рерихом был составлен черновой вариант договора на исполнение мозаики в церкви в имени Тенишевой (запись сделана на бланке Дирек-

М.К.Тенишева

тора школы Императорского Общества поощрения художеств. Санкт-Петербург, Мойка, 83)¹⁰.

Художник не один год приезжал в Талашкино в связи с работами по храму. Вот письмо Марии Клавдиевны из Смоленска от 17 апреля 1912 года: «Добрый Николай Константинович. Какое милое, хорошее письмо вы написали мне из Москвы, сколько в нём сердечности и теплоты! Спасибо вам за всё доброе, оно так хорошо ложится на душу. Делаю что могу и как могу, но часто чувствую всю истину пословицы "бодливой корове Бог рог не даёт". Много я могла бы сделать, планов и замыслов у меня хоть отбавляй, но средства имеют границы. При жизни моего мужа было легче, он наживал, а я этого делать не умею. (...)

Нам писал Ардаматский, что вы собираетесь переехать во Флёново около 10 мая, правда ли это? (...)

В такие минуты так приятно видеть около себя близких людей. Спаситель сказал: "Отойди от зла и сотвори благо".

⁶ Там же. Ф. 44/1392.

⁷ Там же. Ф. 44/307, 23 авг. 1910 г.

⁸ Там же. Ф. 44/1393.

⁹ Талашкино: Сб. документов. Смоленск, 1995. С. 272.

¹⁰ ОР ГТГ, ф. 44/1413.

Н.К.Рерих в Талашкино, возле строящегося храма. 1910-е

Так и вы, отойдите от зла и злых, забудьте их и творите своё благо бессмертное.

Мы с Вами решили уже, что жизнь состоит вся из Света и тени; то, что облито солнцем, что манит своим благородством, восполняется и выдвигается тенью. От души радуюсь Вашим успехам, но не удивляюсь. Я всегда веровала в Вашу мощь и ни на минуту не сомневалась, что Вы в конце концов займёте своё место»¹¹.

О работе Н.К.Рериха над эскизами для храма в Талашкино широко оповещали газеты и журналы того времени. Неизвестный нам Л.Камышников, называя Рериха «почти национальным художником», пишет: «В эскизах к росписи церкви кн. Тенишевой в имении Талашкино, над которыми Н.К.Рерих работает в данное время, сказалась вся индивидуальная мощь его, как религиозно-монументального живописца.

Роспись — вся в тонах золота с красным. Лик Богоматери — детально изображённый, как бы светится в этой гамме оранжевых и золотых тонов»¹².

Наконец была начата роспись алтарной части храма. Газета «Биржевые ведомости» 20 июня 1911 года поместила заметку под заголовком «Странное явление»: «Передают, что когда художник со своим помощником стали снизу мысленно размещать будущую композицию на стене, то помощник указал, что лучше всего придерживаться в размещении контуров, уже ранее сделанных. Вглядываясь, убедились, что из пятен штукатурки сложились все главные очертания композиции эскиза. При промерах оказалось, что Лик центральной фигуры Богоматери придётся оставить именно на месте выступивших очертаний»¹³.

Через год, 31 мая 1912 года, Николай Константинович давал очередное интервью прессе: «Почти всё лето придётся провести под Смоленском в имении княгини Тенишевой "Талашкино", где мною расписывается новый храм: он будет покрыт росписью не только внутри, но и снаружи монументальной мозаикой по моим эскизам. Меня очень увлекает эта работа, и я всецело отдамся ей»¹⁴.

Вероятно, в эти долгие совместные пребывания в Талашкино и сложились те братские отношения, благодаря которым княгиня Тенишева написала в «Воспоминаниях»: «Из всех русских художников, которых я встречала в своей жизни, кроме Врубеля, это был единственный, с кем можно было говорить, понимая друг друга с полуслова, культурный, очень образованный, настоящий европеец, благовоспитанный и приятный в общении, незаменимый собеседник, широко понимающий искусство и глубоко им интересующийся. Наши отношения — это братство, сродство душ, которое я так ценю и в которое так верю. Если бы люди чаще подходили друг к другу так, как мы с ним, то много в жизни можно было бы сделать хорошего, прекрасного и честного...»¹⁵

В свою очередь, и Рерих с самого начала знакомства с Тенишевой очень высоко ставил их взаимоотношения. Вот строки из его письма от 20 мая 1905 года: «Я несказанно тронут Вашими словами о том, что Вам легко пишутся письма ко мне. Может быть, Вами, правда, чувствуется, как хорошо я к Вам отношусь и как искренне мне хочется дружественно помочь Вам. (...) Из отношения с Вами во мне возрождается вера в нужное, нежное и вообще человеческое. Как особенный памятник сохраняю я Ваши письма. Помимо личного, они имеют большое значение общественное, как трогательное свидетельство Вашей искренней привязанности и доброжелательности к искусству. Мне верится, что наше дело — дело свя-

¹¹ Там же. Ф. 44/1396.

¹² Л.Камышников. Наши художники // Николай Рерих в русской периодике. Т. IV. СПб., 2007. С. 290.

¹³ Николай Рерих в русской периодике. Т. IV. С. 345.

¹⁴ Там же. С. 473.

¹⁵ М.К.Тенишева. Впечатления моей жизни. С. 225.

тое, и трудами и верою мы пройдем на истинную пользу Руси»¹⁶.

Слава Богу, «Дух» состоялся и до наших дней дошла замечательная мозаика Н.К.Рериха. При входе в храм нас встречают глаза Нерукотворного Спаса. Над головами входящих, на арке входа, изображён голубь — Святой Дух — «сила Божественной духовной радости». Кроме этого были исполнены «Царица Небесная над рекой жизни» в апсиде храма, «Князь», «Трон невидимого Бога», «Отроки», «Николай Угодник», «Земной свод».

Об этих работах Н.К.Рериха писал А.А.Ростиславов: «Церковную живопись Рериха менее всего можно назвать имитацией, хотя тонкий и сложный эклектизм в его церковных работах несомненен. Если эти работы не проникнуты древним религиозным чувством, столь тем не менее понятным автору, то несомненно проникнуты древним живописным характером, причём поражает лёгкость усвоений в области древнего искусства. Нигде не чувствуется кропотливого изучения путём копирования, а как бы воспоминание уже известного. Несомненный древний русский стилизм в рисунках фигур, но его не подведёшь ни под один определённый пошиб или характер росписей определённого века, несмотря на кажущуюся большую близость к ярославским росписям. Несмотря на византизм богатой одежды, в характере лица и фигуры "Царицы Небесной", например, что-то индийское, восточно-азиатское. В богатстве красок древней иконописи с отзвуками врубелевских тонов внесены эмалевые переливы красок Востока, Персии, Индии — столь оригинальный оттенок общего стиля. Словом, и в церковных работах Рериха — стремление на общей почве возрождения древнего религиозного искусства разрешить свои декоративные, живописные и исторические задачи»¹⁷. (К сожалению, этим работам в скором времени начала вредить сырость, обнаруженная в алтарной стене храма по окончании работ. А так как фрески делались темперой по холсту, наклеенному на стены, всё это усугубило разрушение.)

Вот что сказал о мозаике Н.К.Рериха мастер В.А.Фролов, который исполнял в материале и все предыдущие его работы: «Не говоря уже о смелости мысли дать на портале храма один из самых больших ликов Христа — до 6 аршин, и по рисунку, и по красивым краскам это является од-

Святой Дух. Фрагмент мозаики по эскизу Н.К.Рериха на арке входа в храм Святого Духа. 1912

ною из самых ярких и красивых религиозных работ последнего времени.

Гамма красок тёплая, красно-зелёно-чёрная. Величественный нерукотворный лик Христа на узорчатом плакте несут красные ангелы. Внизу ангелы трубят. [Всего ангелов восемь, а трубят из них шесть.] Позади города с золотыми крышами».

Здесь же мастер говорит и об отношении духовенства к работам Рериха: «Как раз недавно я имел случай услышать очень пространное мнение о работах Н.К.Рериха такого строгого иерарха, как архиепископ Антоний Волынский. По поводу последних мозаик Н.К.Рериха архиепископ высказался с особым одобрением»¹⁸.

Предполагалось также украсить храм изнутри. Готовились вышивки по эскизам Васнецова, был задуман резной иконостас. Мария Клавдиевна сделала на престольный крест, украшенный эмалью. Но... многому не суждено было сбыться. На крыльце храма Святого Духа Рерих услышал весть о начале Первой мировой войны. Пришли иные заботы.

Но и в эти годы Тенишева не оставляет любимого занятия эмалью. 1 мая 1916 года в Московском археологическом институте она защитила диссертацию, которая начиналась словами: «Настоящий труд есть изучение одного из чудеснейших выражений человеческого гения, творчество которого вылилось в особый вид передачи своей художественной мысли».

Скоро произошла революция 1917 года, и Тенишева

¹⁶ Л.С.Журавлёва. Княгиня Мария Тенишева. Смоленск, 1992. С. 167.

¹⁷ Талашкино: Сб. документов. С. 281.

¹⁸ Николай Рерих в русской периодике. Т. IV. С. 360.

уехала в Париж, теперь уже навсегда. Здесь она продолжала заниматься эмалью, делая вещи на продажу.

Связь с Рерихом не прерывалась. 27 октября 1919 года он писал ей из Америки: «Признано одно, что остаются друзья, и если бы Вы видели, как Ваши письма перечитываются и нами, и нашими сыновьями! Наш студент Юрик напишет Вам письмо по-санскритски»¹⁹. И от 3 июня 1922 года: «Юрий приедет в Париж. (...) Буду так рад, когда он Вас повидает»²⁰.

Когда в 1925 году Рерих был в Париже и поведал Тенишевой, что едет в Центральную Азию, она сказала: «Ну, Отче Никола, видно и взаправду собрался ты храм строить». Так напутствовала Мария Клавдиевна своего друга во время этой последней встречи.

Позже Рерих в очерке «Памяти Марии Клавдиевны Тенишевой» писал: «Как спокойно и благополучно могла устроиться в жизни Мария Клавдиевна. По установленным образцам она могла надёжно укрепить капитал в разных странах и могла оказаться в ряду тех, которые вне человеческих потрясений кончают свою жизнь "на дожитие". Но стремление к знанию и к красоте, неудержимое творчество и созидание не оставили Марию Клавдиевну в тихой заводи. Всю свою жизнь она не знала мертвенного покоя. Она хотела знать и творить и идти вперёд»²¹.

Этот очерк был написан Рерихом после того, как в далёкие Гималаи до него дошла весть о смерти княгини Тенишевой. Строками из этого очерка мы и закончим:

«После разрушений и отрицаний во всей истории человечества создались целые периоды созидания.

Княгиня М.К.Тенишева в своей мастерской в Париже. 1907

(...) Но в часы созидания бесконечной вереницей имена создававших и звавших в будущее будут на одном берегу, и человечество будет всегда оглядываться на них с облегчённым вздохом надежды на эволюцию. Как разнообразны эти созидательные имена, как разделены они несчётными веками, на каких разных поприщах являли они своё непобедимое оружие за прогресс человечества.

И в то же время они сохраняют, несмотря на безмерное различие, одни и те же качества.

Неутомимость, бесстрашие, жажда знания, терпимость и способность к озарённому труду — вот качества этих искателей правды. И ещё одно качество сближает эти разнообразные явления. Трудность достижения, свойственная всем поступательным движениям, не минует этих работников мировых озарений...

Много легенд сложится на Тенишевской улице, и имя княгини Тенишевой запечатлется среди имён истинных созидателей».

Слова М.К.Тенишевой, выгравированные на сделанном её руками эмалевом блюде, которое она вместе с ключом от музея «Русская старина» передала в 1911 году в дар городу Смоленску, являются её завещанием не только смолянам, но всем почитающим Искусство и Свет: «Придите и владейте, мудрые. Влагаю дар мой в руцы ваша. Блюдите скрыню сию, и да пребудут вовеки сокровища ея во граде Смоленске, на служение народа русского.

Блюдо сие построила трудами своими княгиня Мария Тенишева в лето 1911».

М.К.Тенишева. Блюдо для передачи ключей музея «Русская старина». Эмаль

¹⁹ Талашкино: Сб. документов. С. 276.

²⁰ Там же.

²¹ ОР ГТГ, ф. 44/1503.

СОБЕСЕДОВАНИЯ

*Ответы Н.Д. Спириной на вопросы
сотрудников Рериховских Обществ 7 февраля 1993 г.*

Наталья Дмитриевна, что самое яркое запомнилось Вам от встреч со Святославом Николаевичем Рерихом?

Необыкновенно светлый облик, необыкновенно простой и приветливый — вот что меня поражало; такой великий человек и так просто с нами держится — как с равными, не даёт понять, насколько он выше нас. И как он всегда был приветлив! Он меня уже знал, подойдёт — пожмёт руку, что-то скажет, поприветствует. На все наши вопросы он очень терпеливо, обстоятельно отвечал.

На Рериховских чтениях я собиралась сделать доклад «Значение музыки в творчестве Святослава Рериха», и мне надо было взять у него интервью. Я приехала в Москву, мы с ним встретились, и он уделил мне время. Вокруг был народ. Я ему сказала, почему я приехала, он предложил: «Пожалуйста, сядем отдельно». Я изложила тезисы своего доклада, и он рассказал мне, какое значение имеет музыка, как с детства и сам играл, и слушал, и родители приобщали к музыке, и какую роль она играет в его творчестве, и что он часто под музыку писал картины, и какую музыку любит. Всё это было застенографировано и записано на магнитофон. По этому материалу я потом сделала доклад на Рериховские чтения и с этим докладом выступила*.

Меня поразили его терпение, его снисходительность. Кругом кишит народ, все что-то от него хотят, какие-то вопросы ему задают, а он пока со мной не договорил... Это то, что отличает подлинных людей от мнимых. Подлинные учителя духовные — как они просты! А мнимые — мне тоже приходилось с ними встречаться — те напускают на себя и важность, и значительность и говорят свысока и надменно. А тут ничего этого не было. И около него находиться, даже сидеть, — это было блаженство, потому что от него шли *такие* излучения и *такое* сияние — это очень чувствовалось. Я его видела в группе и на фотографии, он всегда выглядит более светлым, чем все остальные. Говорил с нами так доступно, чтобы мы всё понимали; не употреблял каких-то выражений, которых мы бы не поняли. Хотя, конечно, его язык был много богаче нашего, но с нами говорил по сознанию и вкладывал в нас самое главное. Он говорил, что каждый день нужно стать немного добрее, немно-

го лучше, даже пол помыть немного лучше, чем вчера, — и уже вы продвигаетесь; нельзя сразу с подножия на вершину вскочить, надо постепенно-постепенно. Вот это он и указывал — этот путь к Прекрасному через ежедневную дисциплину.

Конечно, вопросов ему задавалась масса. Например: надо ли переключиться на «Тайную Доктрину», на Ауробиндо? Он говорил, что для интеллекта это много даёт и, конечно, надо «Тайную Доктрину», по возможности, знать и читать, но эти книги не помогут нам разрешить проблемы сегодняшнего дня. Их разрешает Живая Этика. Там всё изложено: что происходит, как жить, как понимать. И это он рекомендовал.

То есть «Тайную Доктрину» нужно изучать параллельно?

Параллельно — пожалуйста, но некоторые считают, что надо с неё начинать. Я начала читать Учение Живой Этики с 1941 года и считаю, что не с «Тайной Доктрины» надо начинать, главное — нужно лучше знать Основы. Я её, конечно, читала, но не концентрировалась на этом, потому что, как говорил Будда, «каждое мгновение имеет свою необходимость, и это называется справедливостью действия». Какая необходимость в данном мгновении? — выжить самим и помочь выжить людям. И всё это дано в книгах Живой Этики просто: этика мысли, слов, действий, этика поведения. Сегодня как раз об этом говорилось: что такое красота? — это этика; как создать атмосферу в семье, на работе, на встречах? — только красотой. То есть её нужно очень конкретно понимать. На примере Святослава Николаевича мы видели, какая может быть красота в человеке; в его обращении с нами — разве это не красота?

Вы сегодня говорили о духовной пране.

Кроме праны гор и лесов есть озон красоты. Духовная прана — она необходима. Из него [С.Н. Рериха] она просто изливалась! Побывать около него было величайшее счастье.

Он очень любил сибиряков. Все дни его приезда в Москву были расписаны по часам. В этот период у него был секретарь, сын Беликова, и он записывал. Святослав Николаевич начинал принимать с девяти или восьми часов. Как только он узнавал, что просится группа сибиряков, — принимал обязательно. Он обычно беседовал по часу, но с нами не ограни-

* П Рериховские Чтения, 1979 г.

чивал времени, он нас *особенно* любил. Расспрашивал нас и очень интересовался домом в Уймоне. Вы знаете, что на Алтае в Уймоне есть домик, где останавливалась семья Рерихов во время путешествия по Алтаю. Он говорил: «Наслоения нестираемы, этот домик надо сохранить». Я ему привезла газету «Наука в Сибири», где была фотография этого домика в Уймоне. Он с очень большим интересом прочёл и сказал: «Да, да, там наслоения, берегите этот домик». Это нужно и всему краю, и всей стране.

А если этот домик будут реставрировать, то эти наслоения, наверное, закроются?

Нет, это энергия, которую никакой извёсткой не закроешь, — это особая энергия.

Они ступали и по земле; видимо, и земля тоже имеет наслоения?

И земля, конечно, и те места, где они были. Почему мы почитаем Троице-Сергиеву Лавру? Естественно, потому, что Он там был и там особая атмосфера, особый дух.

Кирилл БЕЛИКОВ

Встречи со Святославом Николаевичем Рерихом*

Мой отец — Павел Фёдорович Беликов — встретился со Святославом Николаевичем Рерихом в 1960 году, во время его первого приезда в Советский Союз. Заочно они хорошо знали друг друга, а с этой встречи началась постоянная переписка. Перед каждым приездом на Родину отец подробно информировал С.Н.Рериха о состоянии дел, интересующих его, что было совершенно необходимо для пребывания его в СССР. У Святослава Николаевича с отцом было настолько единое мнение по всем вопросам, что они понимали друг друга без длинных обсуждений. Большую часть переписки занимала тема составления библиографии работ Н.К.Рериха, а в дальнейшем — работа Павла Фёдоровича над книгой о Николае Константиновиче.

О каждом своём приезде Святослав Николаевич извещал Павла Фёдоровича телеграммой или письмом. Павел Фёдорович почти неотлучно находился со Святославом Николаевичем во время его визитов. В 1974 – 1975 и 1981 годах я вместе с отцом ездил в Москву и Ленинград для встреч со Святославом Николаевичем и Девикой Рани-Рерих.

В 1974 году впервые в Союзе широко отмечался юбилей Н.К.Рериха. В Москву приехали С.Н.Рерих

Наталья Дмитриевна, а с Юрием Николаевичем Вы не встречались?

Нет, только со Святославом Николаевичем. И не один раз. Это было большое счастье. Тогда это было просто: он всегда приезжал летом, когда у меня были каникулы, потому что я педагог; и было недорого ездить.

Чтобы попасть на его выставку, была такая очередь! Он рассказывал о картинах, мы всё записывали. Потом, когда картины засняли на слайды, пользовались его объяснениями.

Он и сейчас с нами всё равно; если мы о нём думаем — значит, мы с ним. Мысль — это магнит, где мысль, там и мы. И когда мы перейдём в Тонкий Мир, там мы не будем покупать билет, садиться на поезд, для того чтобы в другой город попасть, мы только подумаем — и уже там.

Он-то может к нам спуститься, но нам надо стараться поднимать себя выше.

с Девикой и З.Г.Фосдик. В честь открытия выставки С.Н.Рериха в Третьяковской галерее состоялся торжественный вечер в Большом театре. Там меня и представили Святославу Николаевичу. Он сразу спросил: «Какое впечатление от выставки?»

Прямой, с красивой сединой, во всём облике благородство. Его сразу же окружили посетители музея. Кто-то сказал: «Прямо царь-батюшка!» На выставку Святослав Николаевич приходил каждый день, в течение 1–1,5 часов отвечал на вопросы. Люди окружали его плотным кольцом; бывало, приходилось сдерживать натиск толпы.

Обычно Святослав Николаевич и Девика Рани останавливались в гостинице «Советская». Он не любил современных интерьеров и в гостинице «Россия» чувствовал себя неуютно.

С.Н.Рерих сохранил красивый русский язык. Девика Рани по-русски не говорила, но кое-что понимала. Владела немецким, отдельные фразы знала по-фински, так как, будучи киноактрисой, снималась в Финляндии. (...)

С.Н.Рерих и Девика Рани привлекали всеобщее внимание: Святослав Николаевич в светло-сером или бежевом строгом костюме типа френча, Девика всегда была в сари и, по индийским обычаям, на несколько шагов позади мужа. Несмотря на возраст, она была

* Из черновых записей К.П.Беликова (25.06.1942 – 19.09.2003). Записано в сентябре 2003 г. Приводится в сокращении.

очень привлекательна. В годы своей кинематографической карьеры она носила титул «первой леди индийского кино».

В конце 1974 года, после юбилейных торжеств, прямо из Москвы Святослав Николаевич и Девика поехали в Европу, где пробыли два месяца: навестили в Швейцарии Кэтрин Кэмпбелл, в Англии — Шибаета, а также уладили личные дела в Париже. Из Европы, не возвращаясь в Индию, они снова приехали в Советский Союз.

В начале 1975 года мы с отцом приехали в Ленинград на открытие выставки С.Н.Рериха в Эрмитаже. Директор Эрмитажа Б.Б.Пиотровский предоставил кабинет для встреч Святослава Николаевича с общественностью. Святослав Николаевич лично руководил развеской полотен. Картину

«Сын человеческий» (или «Возлюби ближнего своего, как самого себя») чиновники посоветовали не показывать широкому зрителю, опасаясь ненужных вопросов. В течение всей выставки эта картина находилась в кабинете. Святослав Николаевич изредка показывал её знакомым, зачитывая древние записи с описанием облика Христа. Кабинет находился в служебном помещении на первом этаже, выставка — наверху, в Николаевском зале. Несколько раз в день Святослав Николаевич поднимался наверх и, как всегда, по 1–1,5 часа беседовал с посетителями музея.

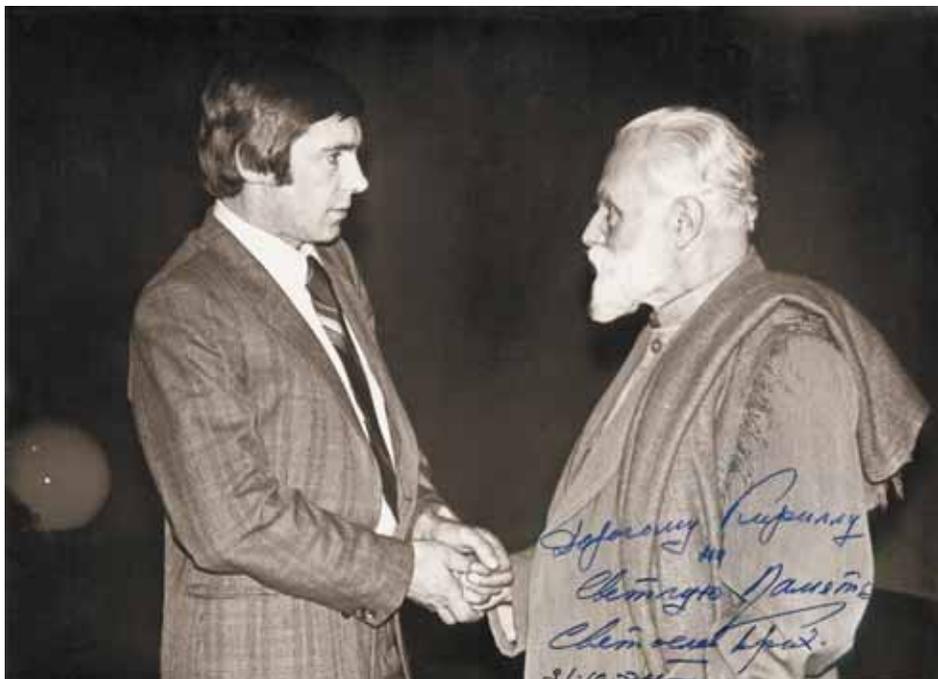
Запомнились такие вопросы: «Почему на ваших картинах такое ярко-голубое небо?» Святослав Николаевич показывал в окно на серое ленинградское небо: «А разве оно не голубое?»

«Как совершенствовать себя?» — «Начинайте с простого. Старайтесь сделать лучше, чем вчера, то, что Вам предстоит сделать сегодня. Например, надо пришить пуговицу — пришивайте лучше, чем вчера, а завтра — лучше, чем сегодня. И так во всём».

Из бесед в более узком кругу. О Рембрандте: «Каждый мазок отражает его чувства, мысли и будет жить для тех, кто сможет в них включиться».

«Шамбала — священное место, где духовный мир сочетается с материальным. Дверь в Шамбалу открывается с той стороны».

«Понятие вечности и бесконечности ускользает от анализа». И добавил с долей юмора: «Советую не углубляться в рассуждения о вечности и бесконечности, а то можно раствориться в них полностью и не вернуться обратно».

С.Н.Рерих и К.П.Беликов. 1984

«Если искусственно ограждать себя от неприятностей, то можно превратиться в парниковое растение».

«Учение Живой Этики расширяет сознание для будущего». «Молитва не есть прошение».

Святослав Николаевич повторял неустанно, как одну из заповедей, и это всегда было к месту: «Самое главное — наш внутренний рост, внутренние устремления, направление мысли».

В 1982 году я встречал Святослава Николаевича в Шереметьево уже без отца*. Святослав Николаевич выразил соболезнования. Он попросил меня приходить в гостиницу к семи утра и принимать телефонные звонки. Святослав Николаевич вставал очень рано, ждал деловых звонков из Индии, Швейцарии, но подойти к телефону он практически не мог из-за обилия неофициальных звонков и желания людей лично пообщаться с ним... Я записывал, кто звонил.

С.Н.Рерих был гостем Советского правительства, и Министерство культуры на время визита предоставляло ему помощника и одновременно переводчика для Девики Рани — Генриетту Михайловну, которая приходила в гостиницу к девяти утра. Я передавал ей просьбы желающих встретиться со Святославом Николаевичем, и Генриетта Михайловна искала для них подходящее время в промежутках между официальными встречами. Когда Святослав Николаевич с Девикой уезжали на официальные встречи и переговоры, я также оставался в номере и принимал телефонные звонки. (...)

Вечером оставались наиболее близкие люди:

* П.Ф.Беликов ушёл из жизни 15 мая 1982 г.

Л.С.Митусова, А.М.Кадакин, Микульские, Р.А.Григорьева, Б.А.Смирнов-Русецкий и др.

Каждый день визита был насыщен до предела, это видно по моим кратким записям в 1981 году.

Каких только вопросов не приходилось решать С.Н.Рериху!

В области медицины он обсуждал с известным офтальмологом С.Фёдоровым возможность создания в Индии передвижной глазной клиники.

Кинематографисты просили С.Н.Рериха дать согласие на экранизацию биографии Н.К.Рериха. С предложением приходил Р.Нахапетов. Я читал план сценария. В нём в хронологическом порядке перечислялись места, где будут проходить съёмки: Карелия, США, Индия, Англия и т.п. Святослав Николаевич не приветствовал создание художественного фильма и вежливо отклонил это предложение. Трудно было в художественном фильме представить себе истинные образы Н.К. и Е.И. Рерихов. (...)

Интервью для «Литературной газеты» брала И.Мамаладзе; для журнала «Наука и религия» — В.Пожилова (интервью напечатали в журнале в сокращённом виде). Всевозможные фотосессии, киносъёмки и интервью происходили постоянно.

С представителями Русского музея и издательства «Аврора» обсуждалась подготовка к изданию репродукций картин Н.К.Рериха.

С директором Музейного центра Ленинградской области Г.И.Вавилиной и сотрудниками музея «Извара» велись обстоятельные беседы о тематике экспозиции в Изваре, подбор фотоматериалов. Святослава Николаевича очень беспокоил вопрос о состоянии дел в Изваре и планы открытия музея на Мойке. Открытие музея в Изваре продвигалось медленными темпами, а музей на Мойке, вопрос о котором поднимал ещё Юрий Николаевич, так и не был реализован.

Приветливо Святослав Николаевич принимал Т.И.Вараксину — директора Барнаульского краеведческого музея, организовавшую экспозицию о Н.К.Рерихе и его пребывании на Алтае.

Святослав Николаевич очень ценил энтузиастов, он говорил, что один такой человек заменяет целый коллектив. Он с большим уважением относился к истинным профессионалам в своей области...

Часто приходили целые группы. Запомнилась встреча с сибирской молодёжью (конечно, к ним примкнули не только сибиряки). Всего человек двадцать. Из номера вынесли лишнюю мебель, принесли стулья... Иногда гости разделялись на группы: кто-то беседовал со Святославом Николаевичем в кабинете, а другие — в гостиной с Девикой Рани.

Это далеко не весь перечень официальных встреч, визитов, выставок, личных бесед и пр. во время приездов С.Н.Рериха. (...)

Хочу отметить, что в Святославе Николаевиче чувствовалось глубокое внутреннее равновесие и необыкновенное самообладание. Когда пришло известие о трагической гибели Индиры Ганди, я увидел неподдельную скорбь на его лице, он ушёл в спальню и через некоторое время вышел собранный, сдерживая свои эмоции.

Желающих лично встретиться со Святославом Николаевичем было очень много, удовлетворить все просьбы было невозможно. Иногда чувствовался нездоровый ажиотаж, навязчивое желание узнать от него «сокровенное», получить некие тайные записи. Не раз приходилось слышать такие вопросы: «Мы прочитали все книги Живой Этики, что же нам читать дальше?»

Мой отец, Павел Фёдорович Беликов, в течение всей жизни перед сном полчаса читал книги Живой Этики. Считал, что сон — это сосуществование в Тонком Мире, во сне происходит расширение сознания, во сне мы продолжаем творческую работу, а книги Живой Этики настраивают на эту волну. Эти книги способны напитать сознание нескольких земных воплощений.

Главной заботой Святослава Николаевича было возвращение наследия Рерихов в Россию. Он искал различные пути для осуществления этой мечты. (...)

Но часто суета вокруг Святослава Николаевича во время его визитов была лишь видимостью деловой активности, на самом деле неспособной пробить бюрократический аппарат и благополучно затихающей после его отъезда. Святослав Николаевич не раз высказывал сожаление по этому поводу. А ведь он ставил конкретные цели. (...)

В 1960–1970 годы чиновники даже не утруждали себя сообщать Святославу Николаевичу маршрут его передвижной выставки, годами путешествовавшей по Союзу. Святослав Николаевич намеренно задерживал её возврат в Индию, желая, чтобы она оставалась на Родине. Мой отец фактически оставался единственным связующим звеном и по просьбе Святослава Николаевича, полностью доверявшего ему, освещал положение дел в Союзе: маршруты выставки, отзывы о ней, Извара, квартира Ю.Н.Рериха, комиссия по наследию с планом организации музея Н.К.Рериха, Рериховские чтения и т.д.

В мае 1987 года С.Н.Рерих ждал встречи с М.С.Горбачёвым. Ни точного дня, ни часа не оговаривалось. За день до отъезда, 14 мая, пришёл представитель и сообщил, что Святослава Николаевича и Девикю Рани ждут Михаил Сергеевич и Раиса Максимовна Горбачёвы...

—•••—

Благодарим А.П.Беликову за предоставленный материал и фотографии, переданные в архив СибРО

ПОДАРОК К ДНЮ РОЖДЕНИЯ МУЗЕЯ Н.К.РЕРИХА

9 октября в новосибирском Музее Н.К.Рериха отмечались три знаменательные даты: день рождения великого русского художника Николая Рериха, День Культуры и первая годовщина со дня открытия Музея, которое состоялось 7 октября 2007 года.

На празднике произошло замечательное событие: презентация только что вышедшего

из печати почтового конверта с изображением Музея Рериха. Следует отметить, что почтовая продукция, отображающая местную тематику, в последний раз выпускалась 18 лет тому назад — в 1990 году. Конверт с изображением новосибирского Музея, изданный единственным в России специализированным государственным предприятием ИТЦ «Марка», стал настоящим подарком к дню рождения Музея Рериха.

9 октября в числе гостей Музея были представители Администрации Новосибирской области, городского Совета депутатов, а также Управления федеральной почтовой связи Новосибирской области, которое в своё время оказало безвозмездную помощь в строительстве Музея. Эти добрые отношения продолжают и сейчас: успешно осуществляется совместный проект по подготовке к выпуску серии конвертов с тематикой, предложенной Сибирским Рериховским Обществом. К концу года планируется выход очередного конверта, который отобразит интересную, но малоизвестную страницу истории Новосибирска начала прошлого века.

По вопросам оказания помощи Музею Н.К.Рериха в Новосибирске обращайтесь в Сибирское Рериховское Общество

Адрес: 630099, Новосибирск-99, а/я 251. Тел./факс: (383) 218-06-71; 210-34-55; тел.: 223-27-55; e-mail: sibro@54.ru

Средства просим перечислять на расчётный счёт: **Получатель:** ИНН 5407119062, Сибирское Рериховское Общество, ЦОСБ № 0139, Р/сч 40703810144070130495. **Банк получателя:** Сибирский банк СБ РФ, г. Новосибирск, БИК 045004641, Кор/сч 30101810500000000641; пометка: «Благотворительная помощь для Музея Н.К.Рериха».

На первой странице: Храм Святого Духа в Талашкино. Мозаика «Спас Нерукотворный», выполненная по эскизу Н.К.Рериха

Учредитель: © Сибирское Рериховское Общество. При перепечатке любых материалов обязательно предварительное согласование с редакцией.

Издание основано в 1993 г., зарегистрировано в Министерстве печати и информации РФ.

Свидетельство ПИ № 77-9359. Тираж 800 экз. Цена свободная.

Основатель журнала «Восход» – Наталья Дмитриевна Спирина.

Подписка: во всех почтовых отделениях РФ (подписной индекс 34305) или в отделе «Книга — почтой» СибРО. По заявке высылается каталог (бесплатно).

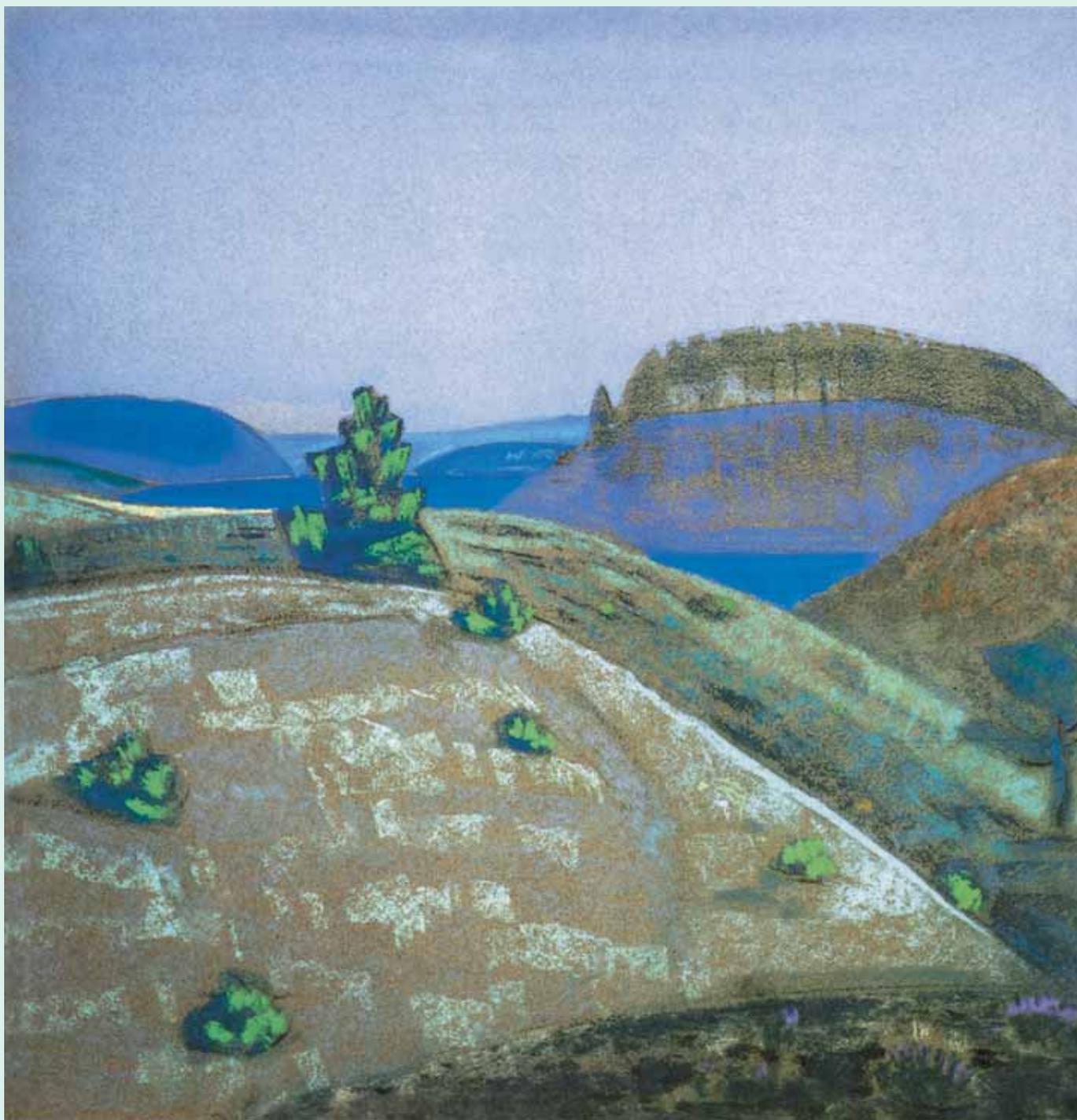
Адрес: 630099, г. Новосибирск-99, а/я 251, Сибирское Рериховское Общество.

Редакционный совет: В.К.Афонская, Т.М.Бугаева, С.А.Деменко, Л.И.Ефимова,
Л.А.Константинова, Н.М.Кочергина, О.А.Ольховая, А.А.Резванцева, И.И.Сереброва, Ю.В.Цыганкова

Цветокорректоры С.А.Горянский, С.А.Ковалёва

Тел./факс: (383) 210-34-55, 218-06-71; e-mail: sibro@54.ru, sibro@mail.ru; http://www.sibro.ru

Отпечатано в типографии «ИН-КВАРТО», г. Новосибирск, ул.Русская, 39

Н.К.Рерих. ПЕЙЗАЖ. 1900-е

Сколько красот он [Рерих] видит не из альбомов... не из открыток, а сам, лично, своими взглядами, своей душой соприкасаясь со всеми этими заповедными местами, на которые ещё никто не обращал таких пытливых... взоров. И какая красота льётся в его душу от зелёной, вальяжной и свежей, тысячелетней и всё юной — русской земли!

Э. Голлербах